

“Майя” в роли Анны

Наталья ШАДРИНА

У организаторов конкурса “Майя” не было возможности, хотя они и заручились поддержкой государственных структур, обеспечить ему вселенский масштаб, – времена не те, и даже конкурс “государственной важности” – имени Чайковского тем интересом, который еще есть к нему в мире, обязан, скорее, инерции, созданной многолетней традицией; у них не было “крыши” прославленного театра, какую, например, имело московское состязание, проходившее под эгидой ГАБТа; не было гарантии сохранения стабильности в стране – и на сей раз спонсоры не торопились вкладывать средства, дожидаясь итогов президентских выборов, вследствие чего “Майя”-96 была перенесена с августа на декабрь – месяц “Щелкунчиков”, подготовки рождественских премьер и парижских балетных конкурсов. В отличие от “Майя”-94 не было на сей раз притягательного элемента новизны, и элемента скандальности – вопросом, почему конкурс в честь “московской” балерины проходит в Петербурге, никто уже особенно не задавался, а Мариинский и Большой театры не только отправили на конкурс своих артистов, но и представили свои сцены для заключительных гала-концертов. Но у организаторов было главное – имя Майя. И этого оказалось достаточно для того, чтобы в конце концов и спонсоры объявились, и участники приехали, обеспечив все-таки, несмотря на “неудобный” декабрь, и “географию”, и представительство известных балетных трупп, прежде всего российских.

КОНКУРС

Облик редко какой балерины может быть узнаваемым, если его очертить всего несколькими линиями, как это сделал Владимир Шахмейстер, автор прекрасного графического портрета Майи Плисецкой, ставшего эмблемой конкурса “Майя”. Когда я спросила вице-председателя жюри, главного редактора знаменитого французского журнала “Les Saisons de la Danse” Андре-Филиппа Эрсена: “А сколько нужно слов, чтобы охарактеризовать личность Плисецкой?”, он сказал: “Три: гений, мужество, авангард”.

Как ей не нужны были юбилии, на которых она принимала бы поздравления, сидя в ложе, так не нужен и конкурс, на котором она только восседала бы за столиком в качестве председателя жюри. Ее конкурс – это действительно ее конкурс, у не-

го особенная программа, которая, вызывая интерес, в то же время является и неким барьером. Впрочем, что касается первого тура, то в этом году как раз была предоставлена полная свобода: танцуй, что считаешь нужным, чтобы показаться в самом выгодном свете. Подавляющее большинство участников таким светом сочли для себя классику, в которой, конечно, тоже можно продемонстрировать выдающийся артистизм, но лишь при условии, что не будешь самозабвенно бороться с техническими трудностями. С бесспорной выгодой для себя преимуществами, которые дает свободная программа, воспользовались только А.Иванов (Театр А.Макарова, бронзовая медаль), отточенно исполнивший знаменитую миниатюру Л.Якобсона “Вестрис великолепный”, и – прежде всего – В.Симончикова и Д.Забой (Чехия), выступившие в па де де из балета “Кармен” в хореографии Р.Балога и благополучно добравшиеся до третьего, “классического”, тура, на котором станцевали так, что стало ясно: будь он первым, оказался бы для них и последним.

Главный тур “Майя” – второй. Всегда стремившаяся вырваться за рамки классического репертуара, жадно искавшая сотрудничества с новыми хореографами, Майя Плисецкая одной из основных задач своего конкурса ставит открытие новых балетмейстерских имен. Почетный гость конкурса Пьер Лакотт, в течение долгого времени занимающийся восстановлением старинных романтических балетов и, очевидно, не очень сочувственно относящийся к экспериментам французской “новой волны”, на встрече с журналистами безжалостно посыпал солью наши раны, поздравив русский балет с тем, что новые веяния его еще не одолели. Да, не набежала еще та новая волна, что накроет нас с головой! Второй тур доходчиво ответил на вопрос, почему так мало современных номеров было исполнено на первом. Поди-

ка еще найди хореографа, который обеспечит тебя ими в нужном количестве. Не говоря уже о качестве. “Современность” оказалась понятием чисто условным, и дело, разумеется, не только в приверженности языку классического танца.

Как сказал член жюри Петр Нардelli, бывший танцовщик труппы Бежара, а ныне педагог, владелец школы “Балетомания” в Брюсселе, “хореографом может быть только тот, кому есть что сказать”. Америку, конечно, не открыл, зато очень расположил к себе своей искренностью, объяснив таким образом, почему сам не ставит балетов. Вот, к примеру, сейчас все полюбили музыку Пьяццолы. В “Танго” Д.Поповой, исполненном Д.Корсунцевым (Театр классического балета, серебряная медаль), – никакой основополагающей идеи и даже ни одной “внешней” эмоции, что уж, казалось бы, и представить себе невозможно. Как, должно быть, горько сознавать, что все это теперь живет лишь на пленке и в памяти благодарных зрителей. Конкурс Майи в какой-то степени призван воскресить тот репертуар. Номера, поставленные на музыку балетов Плисецкой, – лицо конкурса. Но они же представляют собой и тот барьер, который необходимо взять конкурсантам, причем еще до участия в состязании, – “озадачить” хо-

реографа постановкой на заданную тему (как и на первом конкурсе, были примеры откровенно слабые, хореографии собственного сочинения), разыскать музыку, вжиться в нее... “Анна Каренина” Родиона Щедрина стала не только главным действующим лицом (ведь музыка – единственное, что сохраняется из балета, хореографию повторять нельзя – это непременное условие, хотя отголоски ее, безусловно, все равно были слышны), но и истинной победительницей “Майи”-96.

“Анна Каренина” – не “Кармен”, задачка для создания миниатюры куда более трудная и далека не всеми с успехом решенная. Но все номера в совокупности стали как бы “коллективным” балетом – “фантазией на тему” (что было особенно хорошо видно на московском заключительном концерте, где они шли подряд). Монолог страдающей Анны – А.Яценко (Большой театр, серебряная медаль) выглядел фрагментом спектакля с традиционным развитием сюжета (хореография И.Фадеева), героиня Ие-На Канг (Корея), вся во власти смутных тревожных предчувствий, – воплощенная крупность – трактовалась в условном клю-

В роли Анны с Александром Годуновым. Большой театр. 1979 г.

че (Д.Джоб). Мяущиеся Вронские преимущественно прибегали к помощи скакечек, чтобы заявить о своих страданиях и своей принадлежности к сюжету. К сожалению, явился только один Каренин (хореография В.Барыкина) – Д.Гуданов (Большой театр), другие участники не сблизились возможностью, создать характерную роль, которую предоставляет этот персонаж. Д.Уэйр и Ю.-Б.Ланкиш сияющим, лирическим дуэтом (Г.Коллинз) напомнили о том, что Анна и Вронский не только страдали, но и любили друг друга. О.Павлова и И.Кузнецов (Имперский Русский балет) в “Последнем дне Иуды” (Н.Андресов) отошли от сюжета, чтобы аллегорически воплотить одну из главных тем романа и музыки – страдающей совести, ожидающей возмездия. Пожалуй, наиболее интересным номером стал “Постскриптум” (Ю.Петухов, премия за хореографию) в исполнении В.Самодурова (Мариинский театр, золотая медаль). Постскриптум неизбежно вызывает ассоциации с эпилогом: Вронский отправляется на войну. Но образ, созданный хореографом и танцовщиком, объемнее. Герой бережет от одиночества, едет в поезд, выйдя из которого, не будет знать, куда идти, и одновременно догоняет поезд, увозящий самое дорогое, смысл жизни, последнюю надежду. Жаль только, что он посыпает воздушный поцелуй вслед своим надеждам – концовка явно “из другой оперы”.

Каковы они в классике, конкурсанты лучше всего про демонстрировали на петербургском заключительном концерте. Видимо, после того как склонило напряжение, наступил подъем духа. Определить победителей среди мужчин было непросто: возможности лириков, выразившихся в “аккомпаниатором” же, не выходя из концертного зала, – чудеса техники! – стал Венский филармонический. Прямую трансляцию с концерта и бала вели 43 телекомпании мира, сделав очевидцами праздника два миллиарда зрителей. А через несколько дней в венском “Концертхаус” прошел творческий вечер балерин с участием Имперского Русского балета.

сен заметил, что она сделала из этой героини “звезды”. Любые параллели здесь смешны и неуместны, скажем только, что Гран-при “За выдающийся артистизм” присужден не был, и справедливо. Однако прозвучали новые имена, петербургские и московские критики их услышали. Как сложится будущее лауреатов? “Я не пророк, – говорит Плисецкая. – Оно в их собственных руках”. Но кроме того, что получили свои премии (Майя, по обыкновению, жалела, что не может наградить всех, хотя и так поощрила многих), они еще и приняли участие в неком театрализованном действии, каким стал этот конкурс. И, возможно, еще не раз напомнят о себе, если и дальше будут проходить ставшие традиционными ее гала-концерты с Имперским Русским балетом. На сегодня эти концерты – единственный Ее театр, передвижной. Другого пока нет. Если не считать тот, что был всегда, – Театр по имени Майя.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – МОСКВА

P.S. Едва лишь закончился конкурс, как Майя Плисецкая вновь заявила о себе: стала балетмейстером-постановщиком Венского новогоднего бала (ассистент Н.Андресов). Утром первого января в “Мюзик Фрай” состоялся концерт Венского филармонического оркестра под управлением Риккардо Мути. Исполнялась преимущественно музыка братьев Штраусов. Два вальса, в том числе знаменитый “Голубой дунай”, послужили музыкальной основой для новогодних композиций, сочиненных Майей Плисецкой (исполнители – ведущие танцовщики Венской оперы). Показаны они были в стаинном замке Хоффбург, “аккомпаниатором” же, не выходя из концертного зала, – чудеса техники!

– стал Венский филармонический. Прямую трансляцию с концерта и бала вели 43 телекомпании мира, сделав очевидцами праздника два миллиарда зрителей. А через несколько дней в венском “Концертхаус” прошел творческий вечер балерин с участием Имперского Русского балета.